

**«ФАКТОР КИТАЯ» В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ К НЕЙТРАЛИТЕТУ. 1931–1941 гг.**

DOI: 10.25629/НС.2021.04.02

Ян Итин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории советско-японских отношений одного из самых сложных исторических периодов – 1931–1941 гг.: с момента развязывания милитаристской Японией «Маньчжурского инцидента» (18 сентября 1931 г.) и до заключения советско-японского Пакта о нейтралитете (13 апреля 1941 г.). Поставлена цель выявить значение «фактора Китая» в выработке внешнеполитической стратегии советского и японского руководства накануне и в начале Второй мировой войны. В результате проведенного исследования автор доказывает, что именно «фактор Китая» являлся главным узлом противоречий между СССР и Японией в 1930-е годы. С одной стороны, Китай в значительной степени ограничивал рамки советско-японского примирения и сделал советско-японский Пакт о нейтралитете хрупким и неопределенным. С другой стороны, именно «сдерживающий фактор» Китая послужил одной из важнейших причин того, что милитаристская Япония так и не решилась напасть на СССР. В современных российско-японских отношениях и по сей день не преодолены негативные последствия Второй мировой войны ввиду отсутствия мирного договора между Российской Федерацией и Японией. До сих пор в правительственных, общественных и научных кругах Японии ведется полемика относительно правомерности денонсации СССР 8 августа 1945 г. советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. И это несмотря на то, что данные шаги СССР предпринял по взаимной договоренности с союзниками по Антигитлеровской коалиции в целях скорейшего завершения Второй мировой войны и окончательного разгрома развязавшей ее милитаристской Японии. Таким образом, исследование данной темы представляет собой несомненную актуальность и огромную научную значимость.

Ключевые слова: советско-японские отношения, советско-японский нейтралитет, дальневосточная политика СССР, японская внешняя политика, «сдерживающий фактор» Китая, Вторая мировая война, Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Красная Армия, Квантунская военная группировка, дальневосточные международные отношения, японо-китайская война, советско-китайские отношения.

Китай: между СССР и Японией (1931–1939 гг.)

Прошло 80 лет после подписания СССР и Японией исторического Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Советско-японские отношения в 1930–1940-е годы прошли тяжелый и сложный путь развития, но в советской и современной российской историографии эта тема по разным причинам не получила должного освещения. Сам факт заключения и денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете в советской литературе лишь констатировался, но проблема, связанная с выявлением причин и последствий этого ключевого события, специально не изучалась. Кратко этот вопрос затрагивался также в некоторых малочисленных китайских и японских трудах, посвященных внешней политике милитаристской Японии и международным отношениям на Дальнем Востоке соответствующего периода. Роль СССР, «нарушившего» Пакт о нейтралитете, в японской литературе освещалась весьма тенденциозно. Китай в японской литературе представлен как временная и незначительная помеха в достижении милитаристской Японией ее экспансионистских целей. В августе 1939 г. СССР нанес Японии сокрушительное поражение на реке Халхин-Гол. Японское руководство официально не хотело это признавать, но вынуждено было временно отложить свои планы дальнейшего продвижения на советские территории. Именно с этого момента Япония переориентировалась на своего главного противника – США – за влияние в Тихом океане. С 1990-х гг. и по сей день, благодаря расширению источниковой

базы, историографический процесс находится в постоянном развитии, однако имеющиеся работы по данной теме, за редким исключением, не раскрывают ее в полной мере.

Одна из главных проблем существующих исследований истории развития советско-японских отношений заключается в том, что эта тема была рассмотрена лишь в узких двухсторонних рамках, а внешние факторы – такие, как Китай, – оказавшие значительное воздействие на внешнеполитический курс СССР и Японии, фактически игнорировались. В 1930–1940-х гг. узлом советско-японских противоречий, как и всего дальневосточного международного кризиса, был вопрос Китая. Именно Китай представлял собой основную сцену советско-японского взаимодействия. От Китая по большей части зависели все важные решения, принятые советским и японским правительствам в отношении друг друга. Несмотря на то, что «фактор Китая» в советско-японских отношениях, как и на тихоокеанском театре Второй мировой войны в целом, был уже затронут в некоторых новейших исследованиях (среди которых особо отметим работы Л.Е. Гришаевой [1, с. 10; 2, с. 22; 3, с. 22; 4, с. 6], где термин «сдерживающий фактор Китая» впервые был введен в научный оборот), этот вопрос в целом все-таки остается малоизученным в российской историографии.

Неопубликованные российские архивные материалы (в основном – агентурные донесения, телеграммы, записи тайных бесед, личные письма, касающиеся важных вопросов советско-японских отношений 1930–1940-х гг.), так же, как и новые рассекреченные японские и китайские внешнеполитические документы (в том числе записи совещаний, телеграммы, воспоминания участников важных событий и т.д., касающиеся ключевых вех дипломатического курса правительств Японии и Китая в отношении СССР), использованные в очень малочисленных исследованиях ученых России, Японии и Китая, позволяют в более широком контексте изучить роль Китая в развитии советско-японских отношений 1930–1940-х гг.: от развязывания «Маньчжурского инцидента» (18 сентября 1931 г.) до заключения нейтралитета между СССР и Японией (13 апреля 1941 г.). Опираясь на малоизвестные документальные источники, в том числе китайские и японские, а также на новейшую исследовательскую российскую и зарубежную литературу, стало возможным с достаточной степенью достоверности определить воздействие «китайского фактора» на принятие важных дипломатических решений советским и японским правительствами, когда в процессе развития двухсторонних отношений наставал переломный момент. Именно в этом заключается цель данной статьи.

В начале 1930-х гг. советско-японские отношения пережили коренной перелом в связи с внезапной оккупацией Японией китайской территории Маньчжурии (18 сентября 1931 г. – 1 марта 1932 г.). «Маньчжурский инцидент» 1931 г., по сути, явился не только проявлением агрессии против Китая, но и новой попыткой японской военщины достигнуть свою традиционную геополитическую цель – занять «маньчжурский плацдарм» для будущей войны против СССР. Претензии Японии на советскую территорию Дальнего Востока и Сибири были велики. Идеи «Хокусин» (яп. 北進 – «экспансия на Север») придерживались японские военные круги вплоть до 1939 г., то есть до того, как советские и монгольские войска нанесли сокрушительный удар по вторгавшимся на советскую территорию частям японской Квантунской армии.

Военная авантюра японской Квантунской армии нанесла удар не только по территориальной целостности Китая, но и по самой основе советско-японских отношений, так как традиционное разделение сфер влияния в Маньчжурии, закрепленное в Портсмутском договоре 1905 г. и в Пекинской конвенции 1925 г., фактически перестало существовать. Вторжение японской Квантунской армии в Северную Маньчжурию и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го 1 марта 1932 г. поставили советскую границу под непосредственную угрозу японского нападения.

Важнейшим дипломатическим шагом, предпринятым советским руководством в ответ на захват Маньчжурии Японией, является восстановление дипломатических отношений с Китаем. После потери территории Маньчжурии и части Внутренней Монголии китайское правительство с конца 1931 г. предпринимало существенные шаги для восстановления советско-китайских дипломатических отношений, возлагая надежды на то, что при поддержке СССР можно было выйти из международной изоляции и сковать дальнейшее продвижение японских

агрессоров. К этому времени И.В. Сталин осознал важное стратегическое значение Китая в сдерживании японской экспансии на азиатском континенте, поэтому возобновление двустороннего сотрудничества было выгодно обоим государствам.

26 сентября 1931 г. при встрече заместителя наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахана с китайским полпредом Мо Дэхой обе стороны согласились с тем, что развал советско-китайских отношений после вооруженного конфликта на КВЖД 1929 г. послужил для Японии «важным импульсом» – «если бы в отношениях между СССР и Китаем существовали бы контакт и дружба, это, по меньшей мере, должно было бы уменьшить или уничтожить агрессию Японии» [5, с. 544]. В одной из шифровок И.В. Сталина восстановление дипотношений с Китаем было объявлено обязательным шагом предотвращения японского вторжения на советский Дальний Восток: «излишняя сдержанность» советского правительства в отношении Китая приведет к тому, что «нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено» [6, с. 109].

Восстановление советско-китайских дипломатических отношений 12 декабря 1932 г. вызвало резкую реакцию со стороны МИД Японии: «(Китай) совершил большую ошибку, восстановив дипломатические отношения с Советским Союзом <...> Литвинов одновременно косвенно угрожает Японии. Япония относится крайне неблагоприятно к восстановлению тесного сближения между СССР и Китаем» [5, с. 814]. Ухудшение советско-японских отношений привело к отказу японского правительства от заключения с Советским Союзом Пакта о нейтралитете, который дважды предлагало советское правительство в 1931–1932 гг.

Миролюбивая политика СССР – в частности, уступка советских прав на использование рыболовных участков Японского моря и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) – не остановила японскую военщину. С середины 1933 г. вопрос о немедленном нападении на СССР открыто обсуждался руководителями японской армии на ряде совещаний [7, с. 41]. В письме посла США в Великобритании 27 февраля 1935 г. также говорилось, что по сведениям, поступившим из разных каналов, японские политические круги крайне опасались расширения сферы влияния Советского Союза в Северном Китае [8, с. 69–70]. Таким образом, к середине 1930-х гг. 30% расходной части государственного бюджета Японии было брошено на укрепление «континентального плацдарма» на оккупированной территории Северного Китая и построение комплекса военных сооружений на советско-маньчжурской границе [9, с. 49].

Однако экспансионистские амбиции Японии сорвало неоспоримое превосходство по числу и боеспособности советской Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) над японской Квантунской армией. Более того, значительная часть японских сил была сдержана массовой антияпонской партизанской войной в Маньчжурии, в которой ключевую роль сыграла Северо-Восточная Революционная армия, созданная в 1934–1935 гг. китайскими коммунистами с поддержкой СССР. В столице Маньчжоу-Го даже ходили слухи о том, что Сталин намерен создать Маньчжурскую Советскую Республику [8, с. 10]. Казалось, к середине 1930-х гг. Китай, в первую очередь Маньчжурия, огромным клином вдающаяся в дальневосточную территорию СССР, в новом туре геополитической гонки двух сильнейших держав Дальнего Востока – Советского Союза и Японии – снова проявил свое значение как «сдерживающий фактор».

Неслучайно крупнейшие вооруженные конфликты между СССР и Японией – хасанские и халхин-гольские бои – произошли в 1938–1939 гг., в самый разгар японо-китайской войны, развязанной японскими войсками 7 июля 1937 г. Подписание советско-китайского Пакта о ненападении 21 августа 1937 г. и последовавшая советская помощь китайскому правительству в борьбе против Японии в значительной степени стимулировали антисоветские настроения японских военных и политических кругов. В 1937–1938 гг. число пограничных столкновений между советскими и японскими войсками выросло в разы – более 200 в год [10, с. 88].

Несмотря на различные дискуссии в японской и современной российской историографии о том, что хасанские и халхин-гольские бои начаты либо случайно, либо запланировано, нет сомнения в том, что к концу 1930-х гг. большую часть японской армии охватил, по словам японского историка Шимада Тосихико, «пафос решения советского вопроса локальной молниеносной войной» [10, с. 89].

Следует отметить, что еще 4 сентября 1937 г. советский полпред в Японии М.М. Славцкий писал в дневнике, что по имеющейся у него информации японцы поставили себе задачу «отгородить нас от Китая и вбить клин между МНР и Китаем» [11, с. 747], что с определенной точностью предрекло мысль о театре боев на реке Халхин-Гол в 1939 г. Российский японовед А.А. Кошкин, связывая повышение роли Китая с развязыванием Японией провокации против Советского Союза, также отмечает, что истинная цель японской провокации в пограничных зонах заключается в том, чтобы под «угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить» [12, с. 169]. Лишь потерпев сокрушительное поражение на Халхин-Голе в августе 1939 г., Япония стала с большой осторожностью оценивать дальнейшее развитие отношений с СССР, с чего был начат путь по урегулированию советско-японских отношений. СССР хотел избежать прямого вовлечения в развернувшуюся японо-китайскую войну, ставшую важной частью Второй мировой войны. Именно поэтому советское правительство было заинтересовано в недопущении дальнейших вооруженных конфликтов и в нормализации советско-японских отношений в целом. Хотя экспансионистский характер планов милитаристской Японии, по сути, не изменился, однако вынужденно изменилось главное направление ее агрессии – в Юго-Восточную Азию и против США. Но СССР не снимал своей обороны в Азии, поскольку Япония была коварным и серьезным противником и опасность японской агрессии против СССР сохранялась.

«Халхин-гольский перелом» (1939–1940 гг.)

Приоритетная внешнеполитическая задача Советского Союза осенью 1939 г. на фоне развязывания гитлеровской Германией новой войны в Европе и обострения отношений с Японией на Востоке заключается в том, чтобы избежать войны на два фронта. Исходя из этого, существенные внешнеполитические шаги были предприняты советским правительством одновременно на западном и восточном направлениях (Л.Е. Гришаева особо подчеркивала в одном из новейших своих исследований, что контрудар Красной Армии на реке Халхин-Гол неслучайно произошел тогда, когда на Западе активно шло урегулирование советско-германских отношений [3, с. 37]).

Заключение Пакта Молотова–Риббентропа 23 августа 1939 г. шокировало японское военное руководство. Казалось, что «Антикоминтерновский пакт», заключенный между Японией и Германией 23 октября 1936 г., превратился в пустую бумагу. Кабинет Хиранумы, не выдержав напора критики, ушел в отставку после всего 8-месячного существования. С приходом во власть нового премьер-министра генерала Абэ Нобуюки, известного давно в руководстве японской армии как сторонника мира на Севере и экспансии на Юг, внешнеполитический курс Японии начал переворачиваться.

К июню 1940 г. почти все резервы японской военщины были брошены в Китай, и, как справедливо отмечает Л.Е. Гришаева во многих своих работах, к этому времени Япония уже полностью увязла в «китайском болоте» [2, с. 22; 3, с. 38] – из 230 тысяч японских войск 150 тысяч были отправлены на китайский фронт. К весне 1941 г. в Китае было всего 1,1 млн японских войск, 900 самолетов, 750 танков и 2550 орудий разных калибров. *Большое количество боевой техники, выпущенной японскими заводами, было брошено в Китай [13, с. 396–397]. К тому же времени советская помощь Китаю достигла своего пика: 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, 140 военных советников [13, с. 152; 14, с. 143–144].*

Значение «сдерживающего фактора» Китая лучше всех осознали именно офицеры штаба японской армии, непосредственно принявшие участие в военных действиях 1938–1939 гг. Полковник Хаттори Такусиро писал, что во время хасанских боев 1938 г. «большая часть японской армии была занята в Уханьской операции, и советским войскам на Дальнем Востоке, насчитывавшим 20 дивизий, противостояло не более 6 дивизий японских вооруженных сил в Маньчжоу-Го», а при халхин-гольском конфликте 1939 г. «японская армия вела подготовку к длительным военным действиям в Китае, и против 30 советских дивизий в Маньчжоу-Го имелось всего 8 японских дивизий» [15, с. 21–22]. Подобное мнение содержится также в записи капитана Садатоси Томиока: «... для нее (Японии), глубоко вовлеченной в китайский инцидент, отправка любых сил в северный район была невыгодна» [16, с. 48].

Следует отметить, что Япония никогда не прекращала чинить препятствия Китаю в получении советской помощи и в урегулировании отношений с СССР в целом (до 1938 г. – путем вооруженных провокаций на советско-маньчжурской границе и даже после поражения на реке Халхин-Гол в 1939 г.). Необходимо рассматривать политику милитаристской Японии в отношении Советского Союза как часть ее общего агрессивного внешнеполитического курса. По «Соглашению Ариты–Крейги» с Великобританией 22 июля 1939 г. и соглашению с вишистской Францией о запрете провоза грузов в Китай через территорию Индокитая 29 июня 1940 г. Японии удалось прекратить помощь Китаю со стороны англичан и французов. Следующим шагом, естественно, было ее стремление достичь и с СССР подобной договоренности, ущемляющей геополитическое и военное положение Китая.

Надо подчеркнуть, что основными задачами японской внешней политики после поражения на Халхин-Голе в 1939 г. было укрепление союза с Германией и Италией, заключение Пакта о ненападении (в японской трактовке) с СССР, а также расширение своей сферы влияния в Юго-Восточной Азии. В основе этих задач лежало разрешение «китайского инцидента» в пользу Японии. Именно в примирении с Советским Союзом заключалась истинная цель японцев. В первой половине 1940 г. СССР и Японии удалось подписать соглашения об уточнении рыболовных участков и границ между Советским Союзом, МНР и Маньчжоу-Го, что позволило продолжить дальнейшее урегулирование взаимоотношений между двумя странами.

2 июля 1940 г. японский вариант соглашения с Советским Союзом был вручен японским послом Того В.М. Молотову, незадолго до того заменившему М.М. Литвинова на посту наркома иностранных дел СССР. Японский проект содержал 3 пункта: 1) сохранение в силе силы «Пекинской конвенции» 1925 г. как основы взаимодействия между двумя странами; 2) взаимное уважение территориальной целостности; 3) соблюдение нейтралитета каждой из договаривающихся сторон в случае вовлечения в войну другой стороны [17, с. 195]. Того особо заметил, что прекращение помощи Китаю также является необходимым условием советско-японской договоренности.

Однако удовлетворительный ответ японская сторона не получила. В официальном заявлении от 14 августа 1940 г. советское правительство заявило следующее: «заключая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем», что «может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический», а Япония «не проявляет внимания к этому обстоятельству, затрагивающему важные интересы СССР» [17, с. 197]. До самого конца переговоров СССР не давал никакого обещания о том, что договоренность с Японией приведет к прекращению поддержки Китая.

Очевидно, что здесь речь шла о возможном разрыве советско-китайских отношений, так как любой договор об урегулировании отношений с Японией мог бы считаться нарушением СССР «Советско-китайского пакта о ненападении» 1937 г., в статье 2 которого указывалось, что «если одна из высоких договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая высокая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи третьей и третьим державам в продолжение всякого конфликта, а равно воздержаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению» [12, с. 467]. СССР и Китай также обменялись устной декларацией о том, что советское правительство «не заключит какого-либо договора с Японией до того момента, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены» [18, с. 69–70]. Без сомнения, основной преградой, лежавшей на пути к нормализации отношений СССР и Японии, являлся Китай. Естественно, прежде окончательного заключения мира между собой, обеим сторонам необходимо было, хотя бы частично, достичь взаимопонимания по вопросу Китая.

Советско-японские переговоры (1940–1941 гг.): достижение вынужденного компромисса

Во второй половине 1940 г. новой попыткой Японии урегулировать отношения с СССР стало вовлечение Советского Союза в недавно подписанный между Германией, Италией и

Японией «Тройственный пакт» (27 сентября 1940 г.). Нацистской Германии, которая вела ожесточенные бои в Европе, была выгодна японская экспансия в Юго-Восточной Азии, которая могла привести к разрушению колониальной системы Англии, Франции, Италии и Голландии. Неудивительно, что активным посредником в диалоге СССР и Японии стал именно министр иностранных дел Германии И. Риббентроп. Вопрос «союза 4-х держав» – Германии, Италии, Японии и СССР – был поднят во время визита В.М. Молотова в Берлин 12 ноября 1940 г. Однако переговоры ни к чему не привели, так как Германия и СССР никак не могли достичь согласия по вопросу вывода немецких войск из Финляндии и т.д.

В Берлине немецкая сторона также напомнила наркому иностранных дел СССР о слухах по поводу возможного компромисса китайского правительства с японцами, которые появились неслучайно [19, с. 62]. Еще с 1939 г. японское правительство, осознав невозможность скорейшего разрешения «китайского инцидента», стало активно склонять генералиссимуса Чан Кайши к капитуляции. Множество марионеточных властей было создано на оккупационной территории Китая. К тому времени нарастало также число столкновений между войсками Гоминьдана (Национальная партия Китая, правящая партия Китая в 1927–1949 гг.) и Компартии Китая. Это была гражданская война внутри самого Китая, осложнявшая там ситуацию в целом.

В начале 1941 г. наступил переломный момент, явившийся тревожным сигналом в обострении советско-японских отношений. В связи с внезапной атакой 7 января 1941 г. гоминьдановских войск на Новую 4-ю армию, которой руководили китайские коммунисты, вследствие чего погибли около 4-х тысяч офицеров и солдат, отношения между СССР и китайским правительством резко ухудшились. Казалось, что в Китае начнется новая эскалация внутрикитайской гражданской войны, которая никому не будет выгодна, кроме Японии. Советский посол А.С. Панюшкин и военный атташе В.И. Чуйков заверил Чан Кайши в том, что «агрессивные действия против коммунистов, поворот войск на борьбу с народом, а не против агрессора могут повлиять на поставку военной помощи со стороны Советского Союза» [20, с. 70]. На фоне «надвигающейся бури» на Западную Европу советское правительство начало пересматривать свою дальневосточную политику.

Новый тур советско-японских переговоров (ноябрь 1940 – февраль 1941 гг.) из-за спора по вопросу об устранении японских претензий на Северном Сахалине, ни к чему не привел. В ходе переговоров в телеграмме советскому послу в Японии К.А. Сметанину от 19 ноября 1940 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов впервые выдвинул предложение заключить с Японией Пакт о нейтралитете вместо Пакта о ненападении (именно в формулировке «о нейтралитете»), так как много спорных проблем между двумя странами в короткий срок не будет решено [21, с. 111]. Следует отметить, что в это же время Япония планировала вовлечь СССР в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В заявлении японского правительства недвусмысленно указывалось: *«СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синцзяне»* [22, с. 98]. *На этих условиях японцы хотели получить в обмен согласие СССР на продаже Северного Сахалина, от чего советское правительство категорически отказалось.*

Одновременно японская экспансия полным ходом шла в Юго-Восточной Азии. Вторжение японских войск в Индокитай в сентябре 1940 г. привело к первым экономическим санкциям против Японии со стороны США, Великобритании и Голландии. С тех пор в японской официальной пропаганде начали звучать призывы прорвать «кольцо окружения ABCD (America, Britain, China, Dutch)» против Японии. Захват стратегических ресурсов – нефти, угля, каучука, меди и т.д., – естественно, имел большое значение для японцев, и для этого им нужен был стабильный Север, то есть нейтральная обстановка в приграничных районах с СССР. Более того, хотя тогда подготовка нацистской Германией войны против СССР хранилась еще в тайне, но по различным каналам информация о напряженности в советско-германских отношениях уже поступала в посольство Японии в Берлине, а затем в Токио, но в прямой вооруженный конфликт с Советским Союзом Япония после понесенных ею поражений ввязываться не хотела.

В феврале 1941 г. министр иностранных дел Японии Мацуока решил совершить поездку в Европу. Мотивы его поездки в историографии обсуждаются до сих пор. Советский посол в Японии К.А. Сметанин считал, что главной целью поездки Мацуоки в Европу являлась именно встреча с руководителями советского правительства [23, с. 415]. Японский историк Нобуо Эйсабуро также подчеркивает, что раз Берлин перестал быть посредником между СССР и Японией, Мацуока решил действовать самостоятельно [24, с. 441]. Перед поездкой Мацуока разработал новые «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», согласно которым японское правительство согласилось пойти на уступки по вопросам японских претензий на Северном Сахалине и рыболовных концессий. Однако относительно Китая позиция Японии оставалась прежней: прекращение помощи Гоминьдану (Чан Кайши) и признание японского влияния в Северном Китае. Япония была готова действовать с Гитлером и Муссолини против СССР только в том случае, если конфликт, возникший в Европе, обернется в их пользу. Только тогда Япония сможет сразу прийти им на помощь и ударить по Советскому Союзу с тыла.

23 марта 1941 г. в Москве японского министра Мацуоку приняли нарком иностранных дел Советского Союза В.М. Молотов и лично И.В. Сталин. Мацуока заявил, что «ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, то есть с Англией и Америкой. Япония ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов» [25, с. 501]. На обратном пути из Берлина, 7 апреля 1941 г., Мацуока повторно посетил Кремль. Японский министр, помня намек немецких лидеров в Берлине на то, что война против СССР будет уже в недалеком будущем, стремился достичь со Сталиным взаимопонимания по вопросу о Китае: «Япония воюет в Китае не против китайского народа, а против США и Англии, которые хотят присвоить себе Китай, а Чан Кайши является их агентом» [18, с. 79]. И далее Сталин добавил: «Чего Япония хочет в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши – агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу» [25, с. 561]. Однако гарантию прекращения помощи Китаю Советский Союз не дал. Сталин заявил лишь о том, что никакая идеология не помешает развитию советско-японских отношений, а что касается англосаксов, то «русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить» [25, с. 502].

Существует спорный вопрос о признании Советским Союзом марионеточного государства Маньчжоу-Го. Официального признания СССР Маньчжоу-Го, широко трактуемого в китайской историографии в свою пользу, на самом деле не было. Подобное предложение со стороны Японии наркоминдел СССР В.М. Молотов отклонил. Статья о Маньчжоу-Го была исключена из основной части будущего советско-японского Пакта о нейтралитете и оставлена только в приложении. СССР признал Маньчжоу-Го лишь де-факто, но не де-юре, заявляя в общей форме о неприкосновенности обоюдных территорий и существующих советско-маньчжурских границ. Причем вопрос об открытии в Москве генконсульства Маньчжоу-го был заблокирован советским правительством [26, с. 258]. К тому же вопрос о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине был отложен «на несколько месяцев» [25, с. 567].

13 апреля 1941 г. в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и СССР. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го (в качестве приложения). Договор был заключен на 5 лет с момента ратификации – с 25 апреля 1941 г. по 25 апреля 1946 г., – и он должен был считаться автоматически продленным на следующие 5 лет, если ни одна из двух сторон не денонсирует его за год до истечения этого срока [25, с. 565–566]. Именно в нарушении сроков действия договора японское руководство неправомерно обвиняет СССР, объявивший по договоренности с союзниками по Антигитлеровской коалиции войну Японии 8 августа 1945 г., да и современную Россию до сих пор.

Советско-японский Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., без всякого сомнения, являлся компромиссным вариантом урегулирования отношений между СССР и Японией на фоне осложнения международной ситуации и на Западе, и на Востоке. Этот пакт был крайне нужен обеим

сторонам во избежание войны на два фронта. Пакт был подписан, но все спорные вопросы остались неразрешенными, что в значительной степени предопределило его невнятную судьбу.

Естественно, бумага войну не может остановить. Следует также отметить, что именно Мацуока – министр иностранных дел Японии, который менее 3-х месяцев назад подписал Пакт о нейтралитете с СССР, – после 22 июня 1941 г. стал главнейшим сторонником сотрудничества с Германией и нападения на СССР. Однако до конца войны именно благодаря Китаю основная сила японской Квантунской армии была скована на азиатском материке, и, как отмечает Л.Е. Гришаева, Япония «увязла в “китайском болоте”» [2, с. 22], причем над головой руководства японской армии висел дамоклов меч – огромная военная мощь советских дальневосточных войск, память о которой была еще свежа. Несмотря на это, необходимо учесть, что на протяжении всей войны Генштаб Японии не переставал разрабатывать различные военные планы против СССР. Части Квантунской армии неоднократно мобилизовались. Нейтралитет фактически уже был нарушен японской стороной, о чем в сегодняшней японской и западной историографии речи вообще не идет.

Китай – основной театр советско-японского геополитического соперничества

В заключение следует сделать вывод о том, что Китай являлся основным театром геополитического соперничества России и Японии начиная с XIX в. Борьба за раздел сфер влияния в Азии и непосредственно на территории континентального Китая явилась главной причиной обострения советско-японских отношений, но в то же время и важным мотивом их временной стабилизации. Для Японии Китай являлся плацдармом для свободных действий ее войск в Азии и подготовки войны против СССР и США: через территорию Китая Япония могла нападать и на север, и на юг. А для советского государства, проводившего мирную политику, Китай сыграл сдерживающую роль в противостоянии между СССР и милитаристской Японией. К началу 1940-х гг. 85% японских войск в той или иной степени задействовались на китайском ТВД, причем в 1939 г. на Халхин-Голе Красная Армия преподала им урок. В этом заключилась истинная причина, почему Япония не стала нападать на СССР.

Сокрушительное поражение, нанесенное Красной Армией японской Квантунской армии на Халхин-Голе в 1939 г., на время приостановило явные открытые вооруженные провокации японской военщины, что позволило двум странам в определенной степени урегулировать отношения между собой. Однако впоследствии Япония неоднократно нарушала договоренности с СССР даже после заключения Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В ходе советско-японских переговоров центральной темой дискуссии являлся вопрос Китая. Именно фактор Китая ограничил рамки советско-японского соглашения: был подписан договор не о ненападении, а о нейтралитете, который, по словам японского посла в Москве Татэкава, был слишком «недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении» [21, с. 11]. По всем вопросам, связанным с Китаем – таким, как прекращение помощи китайскому правительству или признание государства Маньчжоу-Го, – СССР и Япония достигли договоренности лишь в определенной, весьма незначительной, степени. Территориальный спор временно откладывался. Вполне очевидно, что именно вопрос Китая сделал советско-японский Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. крайне хрупким и ненадежным, так как основа стабилизации советско-японских отношений, лишенная после полной оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г., этим документом не восстановилась. Именно из-за поражения на Халхин-Голе Япония так и не решилась выступить против Советского Союза и предпочла формально сохранять верность Пакту о нейтралитете, подписанному в 1941 г. На самом деле Япония просто ожидала окончательного поражения Советского Союза в войне в Европе. Все это необходимо учитывать при исследовании советско-японских отношений в ходе Второй мировой войны.

Библиография

1. Гришаева Л.Е. «Потсдамская точка» во Второй мировой войне // Дипломатическая служба. 2015. № 5. С. 75–88.
2. Гришаева Л.Е. Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. // Дипломатическая служба. 2020. № 4 (91). С. 18–41.

3. Гришаева Л.Е. Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6 (87). С. 15–41.
4. Гришаева Л.Е. О виновниках и победителях во Второй мировой войне // Дипломатическая служба. 2020. № 2 (89). С. 6–35.
5. МИД СССР. Документы внешней политики СССР. Т. 15. М.: Политическая литература, 1969. 867 с.
6. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77.
7. Хаяси Сабуро. *Кантогун то кекуто сорэнгун [Квантунская армия и Дальневосточная советская армия]*. Токио: Фояо Шубо, 1974. 324 с. (Китайский перевод: Лин Санлан. Кантогун хэ Суянь Юантогун. Чанчунь: Цилинь Жэньмин, 1979. 222 с.).
8. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188.
9. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945 гг. М.: Наука, 1990. 262 с.
10. Шимада Тосихико. Кантогун: Аримичи Рикугун но Докусю [Квантунская армия: авантюристы в Маньчжурии]. Токио: Чогорун, 1965. 191 с. (Китайский перевод: Даотян Цунян. Кантогун Фу Ме Ци [Распад Квантунской армии]. Шэньян: Ляонин Цяюй, 1991. 134 с.).
11. МИД СССР. Документы внешней политики СССР. Т. 20. М.: Политическая литература, 1969. 815 с.
12. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.
13. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. 461 с.
14. Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1940 г. М.: Политиздат, 1981. 367 с.
15. Хаттори Такусиро. Япония в войне. СПб.: Полигон, 2000. 873 с.
16. Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 500 с.
17. Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945): геополитика, дипломатия, люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. 656 с.
18. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М.: ТОО «Новинка», 1995. 335 с.
19. Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. М.: Молодая гвардия, 2016. 524 с.
20. Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. 252 с.
21. МИД РФ. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 гг. Кн. 2 (1). М.: Международные отношения, 1995. 448 с.
22. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011. 384 с.
23. Громько А.А. История внешней политики СССР. М.: Наука, 1980. Т. 1. 511 с.
24. Нобуо Эйсабуро. Нихон Гайко Ши 1873–1972 [История японской дипломатии. 1873–1972 гг.]. Токио: Майнити симбун, 1974. 609 с.
25. МИД РФ. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 гг. Кн. 2 (2). М.: Международные отношения, 1998. 448 с.
26. Мировицкая Р.А. Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1931–1937 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. № 14. С. 241–271.

**THE “CHINA FACTOR” IN SOVIET-JAPANESE RELATIONS:
HARD ROAD TO NEUTRALITY. 1931–1941**

DOI: 10.25629/HC.2021.04.02

Yang Yiting

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to the study of the history of Soviet-Japanese relations of one of the most difficult historical period of 1931–1941: from the moment the militarist Japan unleashed the “Manchurian incident” (September 18, 1931) and until the conclusion of the Soviet-Japanese Neutrality Pact (April 13, 1941). The goal is to reveal the significance of the “China factor” in the development of the foreign policy strategy of the Soviet and Japanese leaders on the eve and at the beginning of World War II. As a result of the study, the author proves that it was the “factor of China” that was the main knot of contradictions between the USSR and Japan in the 1930s. On the one hand, China largely limited the scope of Soviet-Japanese reconciliation and made the Soviet-Japanese Neutrality Pact fragile and uncertain. On the other hand, it was the “deterrent factor” of China that served as one of the most important reasons why militaristic Japan did not dare to attack the USSR. In modern Russian-Japanese relations, to this day, the negative consequences of the Second World War have not been overcome, due to the absence of a peace treaty between the Russian Federation and Japan. Until now, in the government, public and scientific circles of Japan, there is a polemic regarding the legality of the denunciation of the USSR on August 8, 1945, the Soviet-Japanese Pact of Neutrality of April 13, 1941. And this despite the fact that the USSR took these steps by mutual agreement with the allies on the Anti-Hitler coalition in order to end World War II as soon as possible and finally defeat the militaristic Japan that unleashed it. Thus, the study of this topic is of undoubted relevance and great scientific significance.

Key words: Soviet-Japanese relations, Soviet-Japanese neutrality, Far Eastern policy of the USSR, Japanese foreign policy, China’s “deterrent”, World War II, Manchuria, Manchukuo, Red Army, Kwantung military group, Far Eastern international relations, Japanese Chinese war, Soviet-Chinese relations.

References

1. Grishaeva L.E. [“Potsdam Point” in World War II]. *Diplomaticheskaja sluzhba*, 2015, no. 5, pp. 75–88. (In Russian).
2. Grishaeva L.E. [The Long Echo of the Soviet-Japanese War of 1945]. *Diplomaticheskaja sluzhba*, 2020, no. 4 (91), pp. 18–41. (In Russian).
3. Grishaeva L.E. The beginning and results of World War II: controversial issues. *Diplomaticheskaja sluzhba*, 2019, no. 6 (87), pp. 15–41. (In Russian).
4. Grishaeva L.E. [On the culprits and winners in the World War II]. *Diplomaticheskaja sluzhba*, 2020, no. 2 (89), pp. 6–35. (In Russian).
5. MFA USSR. Documents of the USSR foreign policy. Book 15. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969. 867 p. (In Russian).
6. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fond 558. Series 11. File 77. (In Russian, unpublished).
7. Khayasi Saburo. *The Kwantung Army and the Soviet Far Eastern Army*. Tokyo, Foyao Shubo Publ., 1973. 324 p. (In Japanese). (Chinese ed.: Lin Sanlang. *Guan Dong Jun He Su Lian Yuan Dong Jun*. Changchun, Jilin Renmin Publ., 1979. 222 p.).
8. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fond 558. Series 11. File 188. (In Rus.).
9. Zakharova G.F. *Politika Japonii v Manchzhurii. 1932–1945 gg.* [Japanese politics in Manchuria. 1932–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 262 p. (In Russian).

10. Shimada Tosikhiko. *Kwantung Army: Adventurers in Manchuria*. Tokyo, Chogorun Publ., 1965. 191 p. (In Japanese). (Chinese ed.: Daotian Junyan. *Guan Dong Jun De Fu Mie*. Shenyang, Lyaonin Tsyao-yu Publ., 1991. 134 p.).
11. MFA USSR. Documents of the USSR foreign policy. Book 20. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969. 815 p. (In Russian).
12. Koshkin A.A. *Rossija i Japonija: Uzly protivorechij* [Russia and Japan: Knots of Contradictions]. Moscow, Veche Publ., 2010. 480 p. (In Russian).
13. Gorbunov E.A. *Vostochnyy rubezh. OKDVA protiv yaponskoy armii* [Eastern frontier. OKDVA against the Japanese army]. Moscow, Veche Publ., 2010. 461 p. (In Russian).
14. Sevostjanov P.P. *Pered velikim ispytaniem: vneshnjaja politika SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny. Sentjabr 1939 g. – ijun 1940 g.* [Before the great test: foreign policy of the USSR on the eve of the Great Patriotic War. September 1939 – June 1940]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 367 p. (In Rus.).
15. Hattori Takusiro. *Japonija v vojne* [Japan at war]. Moscow, Poligon Publ., 2000. 873 p. (In Rus.).
16. Tomioka Sadatosi. *Politicheskaja strategija Japonii do nachala vojny* [Japan's political strategy before the war]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2016. 500 p. (In Russian).
17. Molodjakov V.E. *Rossija i Japonija v poiskah soglasija (1905–1945): geopolitika, diplomatija, ljudi i idei* [Russia and Japan in search of agreement (1905–1945): geopolitics, diplomacy, people and ideas]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2012. 656 p. (In Russian).
18. Slavinskij B.N. *Pakt o nejtralitete mezhdu SSSR i Japoniej: diplomaticheskaja istorija, 1941–1945 gg.* [The Neutrality Pact between the USSR and Japan: Diplomatic History (1941–1945)]. Moscow, TOO “Novinka” Publ., 1995. 335 p. (In Russian).
19. Nikonov V.A. *Molotov: Nashe delo pravoe. Kn.2* [Molotov: Our cause is just. Book 2]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2016. 524 p. (In Russian).
20. Chujkov V.I. *Missija v Kitae* [Mission in China]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983. 252 p. (In Rus.).
21. MFA Russia. Documents of the foreign policy (1940 – June 22, 1941). Book 2 (1). Moscow, International Relationship Publ., 1995. 448 p. (In Russian).
22. Koshkin A.A. “Kantokujen” – “Barbarossa” po-japonski. *Pochemu Japonija ne napala na SSSR* [Kantokuen – Barbarossa in Japanese. Why Japan did not attack the USSR]. Moscow, Veche Publ., 2011. 384 p. (In Russian).
23. Gromyko A.A. *Istorija vneshnej politiki SSSR. T. 1* [A history of the USSR foreign policy. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 511 p. (In Russian).
24. Nobuo Eysaburo. *Nihon Gayko Shi 1873–1972* [A history of Japanese Diplomatic]. Tokyo, Mayniti simbun Publ, 1974. 609 p. (in Japanese).
25. MFA Russia. Documents of the foreign policy (1940 – June 22, 1941). Book 2 (2). Moscow, International Relationship Publ., 1998. 448 p. (In Russian).
26. Mirovickaja R.A. Relations of the USSR with China during the crisis of the Versailles-Washington system of international relations (1931–1937). *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost*, 2009, no. 14, pp. 241–271. (In Russian).